

УДК 82

ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ В РАССКАЗЕ С. ЛАГЕРЛЁФ «ИЗГОИ»

© 2014 г.

О.С. Сухих

Нижегородский госуниверситет Н.И. Лобачевского

ruslitxx@list.ru

Поступила в редакцию 26.04.2014

Анализируется философская проблематика рассказа С. Лагерлёф «Изгой». Рассматривается понимание христианских ценностей героями и автором, соотношение понятий «справедливость» и «милосердие». Отмечаются параллели в решении философско-этических вопросов в рассказе «Изгой» и романе Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание».

Ключевые слова: христианство, справедливость, милосердие, общество, конфликт идеи и натуры.

Литературоведением уже отмечались точки соприкосновения и взаимосвязи между русской литературой и шведской [1-4], оригинальное художественное воплощение традиций Ф.М. Достоевского в творчестве шведских писателей, в частности, С. Лагерлёф [5; 6]. На наш взгляд, одним из самых интересных примеров тому может служить её рассказ «Изгой», где в лаконичной и оригинальной форме раскрываются глубокие философские проблемы, касающиеся христианской этики. Автор здесь, как и во многих других произведениях, «побуждает нас размышлять над извечными жизненными вопросами – что есть вина и искупление, <...> потеря и обретение самого себя» [7]. В решении этих проблем писательница творчески переосмысливала опыт мировой литературы, в том числе и русской [8; 9], и в то же время творчество самой С. Лагерлёф на рубеже XIX–XX веков стало представлять интерес для российской культуры [10].

Общая сюжетная канва рассказа С. Лагерлёф «Изгой» такова: в центре внимания два героя, и один из них (скажем условно: «учитель») обращает в христианство второго («ученика»), однако тогда «ученик» начинает считать, что сам же «учитель» должен ответить за собственный грех, – в результате «учитель» убит «учеником». Параллели с образом Раскольникова у Достоевского обнаруживаются в фигурах как одного героя, так и другого, но в разных аспектах.

Итак, рассказ «Изгой» посвящён судьбам двух героев, оказавшихся вне социума, в конфликте с ним. Один из них, Берг Великан, сформировался как личность *в социуме*, в мире крестьян, где существуют свои нравственные и религиозные ценности. И он имеет то представление о христианстве, которое внушено ему

этим обществом. Здесь царят взгляды, скорее, ветхозаветные, чем евангельские, Бог воспринимается прежде всего как сила, карающая за нарушение общественного и морального закона, не случайно крестьяне считают (и в этом они все едины), что нужно непременно осуществить возмездие преступнику по принципу «око за око». Второй же герой – рыбак Турд – сформирован как личность практически *вне социума*. Он сын вора и ведьмы, живущих обособленно от обычной крестьянской среды, он, можно сказать, «естественный человек», «дитя природы». Это человек с детским сознанием, с наивностью подростка, не привыкший к философско-религиозным спорам. И если он имеет представление о том, что существует религия и люди молятся Богу, то по существу такие понятия, как «христианство», «божьи заповеди», ничего ему не говорят.

Однако по сюжету рассказа именно Берг, *знающий христианские заповеди*, совершает убийство. Он расправляется с монахом, который призывал его к отказу от греха, убивает его ради женщины, которая обижена его словами. На первый взгляд здесь трудно увидеть параллель с романом Достоевского «Преступление и наказание». В мотивировке поступка Берга нет ничего общего с позицией Раскольникова, сходно в этих ситуациях только одно: убитый монах был внешне неприятен, и это усилило злость Берга, а в «Преступлении и наказании» процентница тоже изображена как крайне неприятная личность, причём и внешне, и по характеру, – этим Раскольников оправдывал выбор жертвы. Эта параллель поверхностна, однако существуют и другие, более глубокие.

Если мотивы, которыми руководствуются герои, по своей сути *различны*, то последствия

их поступков *сходны*. Раскольников «отрезал себя, как ножницами», от остальных людей, сам себя ощутил «добровольным» изгоем. Берг тоже оказался изгоем, правда, не по самоощущению, а по фактическому положению: убийство монаха – для всех непростительный грех, и преступнику приходится скрываться от крестьян, которые намерены совершить самосуд и казнить убийцу.

Есть определённое сходство в эмоциональном состоянии Раскольникова и Берга, оно вызвано противостоянием, конфликтом с обществом и законом. Раскольников при встречах с Порфирием Петровичем чувствует, с одной стороны, азарт борьбы, порождающий смелость и твёрдость духа, но, с другой стороны, он не может не ощущать страха. Разговаривая с приставом следственных дел, он ведёт себя хладнокровно, но наедине с собой испытывает острые переживания. Что касается Берга в рассказе «Изгой», то он способен бесстрашно и решительно уходить от погони, для него как будто не существует опасностей и препятствий, но когда погоня заканчивается и герой остаётся один, вроде бы он спасён, однако при этом дрожит от страха. Оба писателя психологически точно изображают душевное состояние преступника, который на первый взгляд чувствует себя сильнее, выше окружающих, но в действительности вовсе не является «сверхчеловеком». Однако у Берга это выражается на уровне простейших, «диких» эмоций, а у Раскольникова эмоции выливаются в рефлексию, в философствование.

Как говорилось выше, Берг воспитан на религиозных законах, которые, как следует из текста, традиционны для шведского крестьянина. Но при этом герой совершенно не страдает от противоречия между своим поступком и этими принципами. Для него религиозный закон – это нечто внешнее, нечто такое, что человек *обязан знать*, но этот закон *не руководит его чувствами и действиями*, подсознательно он герою безразличен, просто в его социальной среде принято, чтобы каждый имел представление о Боге, справедливости, грехе и воздаянии. Именно поэтому Берга так удивляет, что этого не знает его друг-изгой, и он решает исправить положение дел – приобщить рыбака к религиозной морали. А в результате с Турдом ситуация складывается совершенно иная: понятие справедливости, освящённое религией, становится ЕГО законом, *входит в его сознание*, порождает чувство долга и ответственности и начинает *руководить его поступками*. И герой сталкивается с тем, что христианский долг – как он его понимает – требует предать дружбу. Ес-

ли Берг не переживает столкновения убеждений и эмоций, то в душе его друга и «ученика» это противостояние не только существует, но и вызывает серьёзнейшую *духовную драму*.

Он начинает видеть поступок «учителя» (убийство монаха) с точки зрения норм религиозной морали. Если раньше Турд не придавал значения этому преступлению, даже просто не задумывался о нём, то теперь видит в таком поступке вызов Божьей справедливости. Герой ощущает себя христианином и начинает руководствоваться моральным долгом: преступник должен быть наказан, а это значит, что нужно выдать Берга крестьянам, жаждущим возмездия. И это новое убеждение «ученика» вступает в острейшее противоречие с его же чувством – преданностью «учителю», который стал для него единственным духовно близким и дорогим человеком. Перед нами **трагический конфликт идеи и натуры**, многократно воплощённый Ф.М. Достоевским в его романах. Хрестоматийным примером стал Раскольников, страдания которого определяются тем, что идея требует от него безжалостности в отношении конкретного человека, а по натуре он, наоборот, склонен к сочувствию и чужую боль ощущает даже острее, чем свою.

Раскольников, как и герой С. Лагерлёф Турд, по сути дела, оказывается в ситуации *выбора между справедливостью и гуманизмом*. Идея «крови по совести» подразумевает, что можно пожертвовать отдельным человеком ради будущего торжества справедливости в обществе в целом – в «муравейнике», которым будет руководить личность наполеоновского типа. Идея, которая завладевает Турдом, тоже требует пожертвовать конкретной личностью ради осуществления высшей справедливости, причём здесь внутренний конфликт в душе героя в определённом отношении более тяжёлый: если Раскольников убивает «жалкую старушонку», которая ему отвратительна, то Турд должен пожертвовать человеком, который ему понастоящему дорог. Правда, само по себе убийство он совершает не из стремления доказать идею, а из самозащиты, но конфликт, приведший к смертельной схватке, произошёл именно вследствие обретения Турдом новых убеждений. К тому же, хотя он изначально и не собирался сам убивать Берга, но он принял решение выдать его, а это фактически то же самое убийство.

Герои Ф.М. Достоевского и С. Лагерлёф идут на антигуманный поступок из высших соображений, и для обоих это выливается в **моральные страдания**. Раскольников настолько

внутренне потрясён, что даже заболевает физически, он постоянно находится в страшном напряжении, доводящем его до кошмаров и галлюцинаций. Аналогично и состояние героя С. Лагерлёф, разум которого не справляется с потрясением: «Он упал на колени подле мёртвого тела и, приподняв голову, положил её себе на плечо <...> он беседовал с покойником, плакал и уговаривал его проснуться» [11, с. 502]. В рассказе С. Лагерлёф герой не философствует и не рефлектирует, в отличие от Раскольникова, который пишет статью о преступлении и самовыражается в объёмных внутренних монологах. Рыбак Турд далёк от философии, психологических экспериментов и теоретизирования, однако уровень накала его эмоций не менее высок, чем у Раскольникова.

В произведениях Достоевского и С. Лагерлёф совершенно различной оказывается **реакция на преступление со стороны людей, окружающих убийцу**. Раскольников не случайно чувствует себя отделённым от всех, даже с матерью и сестрой не может общаться по-прежнему, поскольку преступил заповедь, которая для них является одной из основ мировоззрения. Противоположное положение вещей мы видим в финале рассказа «Изгой». Здесь Турд после убийства как раз *принят* обществом, он перестаёт быть изгоем: «Тут набежали крестьяне. Они обрадовались и стали восхвалять Турда за подвиг» [11, с. 502]. Крестьяне, как и сам Турд, убеждены в необходимости возмездия преступнику, и его убийство воспринимают не как нарушение христианской заповеди, а как *восстановление* высшего закона, тогда как люди, окружающие Раскольникова: Сонечка, Разумихин, Порфирий Петрович и другие, – понимают убийство (вне зависимости от цели) как *отступление* от христианского принципа.

У Достоевского герой проходит тяжёлый путь нравственной эволюции и в конце эпилога к роману он готов отказаться от своей прежней идеи: натура всё же оказывается сильнее. В рассказе С. Лагерлёф итог не таков: герой, наоборот, утверждает в собственной идее, финальные слова его – о *справедливости* как о твердыне, на которой зиждется мир. Правда, говорит он это «голосом, в котором слышны рыдания»: конфликт идеи и природы всё же не до конца исчерпан. И именно натура героя несёт в себе по-настоящему христианское начало (как и в случае с Раскольниковым) – внутреннее неприятие жестокости. Достоевский показывает страдания, трагедию Раскольникова, *отпавшего от истинного христианства*, а С. Лагерлёф изображает трагедию Турда, *обращённого в*

христианство, но не столько истинное, сколько догматизированное и понятое поверхностно.

В рассказе С. Лагерлёф художественно переосмысливается очень важная для всего творчества Достоевского мысль: *человек может стать рабом идеи*. Для наиболее яркого раскрытия этой мысли писательница использует приём овеществления: после убийства друга Турд как будто чувствует на руках «цепи, в которых его тащили убивать самого любимого человека на свете», причём эти цепи «сделаны из ничего». Эта символическая деталь убеждает: идея, понятая догматически, подавляет натуру человека, поработает его и ломает его судьбу. Герой Достоевского приходит к освобождению от этого духовного рабства и начинает жить как будто заново: «Вместо диалектики наступила жизнь, и в сознании должно было выработаться что-то совершенно другое» [12, с. 422]. А герой С. Лагерлёф так и остаётся во власти «оков», «диалектики», идеи, хотя натура его с этим до конца не смиряется. *В характеристологии обоих писателей можно отметить общий момент*: натура оказывается в человеке «константой», и идея не способна окончательно восторжествовать над ней. Обоим писателям свойственен *интерес к самому моменту противоборства* этих различных начал в человеке, в центре их внимания человек противоречивый, заблуждающийся и страдающий. Непротиворечивы только самые прямолинейные и не вызывающие симпатии герои, такие как Лужин у Достоевского или крестьяне, преследующие Берга, в рассказе С. Лагерлёф.

Два рассматриваемых нами произведения можно сопоставить ещё на оном основании: в обоих разворачивается философский **диалог о вере** и божественной справедливости между двумя людьми, которые, с точки зрения общества, являются *преступниками, нарушителями христианских принципов*, однако в каждом случае *лишь один из них действительно в полном смысле слова совершил преступление*. У Достоевского Раскольников преступает границы и закона, и морали – Сонечка же по факту вроде бы нарушает христианскую заповедь, но её толкают на это именно христианские чувства. Она спасает семью, и в её нравственном выборе не последнюю роль играет позиция Катерины Ивановны, которую Сонечка считает почти матерью. У С. Лагерлёф Берг, как и Раскольников, совершает преступление с точки зрения и общественной, и уголовной, и религиозной. Второй же герой – Турд – в действительности оказывается преступником лишь в глазах окружающих:

его обвиняют в краже, но, как выясняется, он лишь взял на себя вину отца. Причём сделал это по просьбе матери, чтобы спасти семью. Убийство же он совершает лишь в финале рассказа, причём всеми это оценивается как «подвиг», а вовсе не осуждается.

Можно провести и ещё одну параллель между героем рассказа С. Лагерлёф Турдом и Сонечкой Мармеладовой у Достоевского: оба стремятся **помочь преступнику осознать необходимости покаяния**. В рассказе «Изгой» сюжет выстроен *по принципу «бумеранга»*: сначала Берг выступает в роли проповедника, а потом уже «ученик», проникшийся идеей божественной справедливости, уговаривает «учителя» пойти к священнику и исповедоваться. Он уверен, что тем самым спасает душу убийцы, как и Сонечка спасала Раскольникова. Однако героиня Достоевского действует более тонко. Она наделена глубокой и точной интуицией и чувствует, что Раскольникова нельзя уговорить или переубедить логически: его собственная идея строится именно на логике, и он живёт в этой логике, принципиально не желает выходить за её рамки. Поэтому Сонечка не обвиняет его и ни на чём не настаивает, просто в самые трудные моменты она оказывается рядом, чтобы Раскольников видел возможность понимания, сочувствия и любви, а значит, и иной, чем у него, системы ценностей (которая, однако не совсем ему чужда: подсознательно герой близок как раз к ней). Сонечка не предлагает ему и Евангелие, но оно у неё есть, и как только Раскольников просит почитать его, Сонечка сразу приносит. Всё её отношение к Раскольникову – это как бы открытая дверь, в которую его никто не заставляет входить, но у него есть сама такая возможность. И он эту возможность использовал, когда «пережил», преодолел свою теорию. В рассказе С. Лагерлёф «ученик», пытающийся спасти «учителя», наоборот, действует очень прямолинейно, стремится именно переубедить, причём крайне эмоционально, и почти достигает цели. В обоих произведениях в характерах героев-преступников есть психологические предпосылки для эволюции (на них и накладывается влияние героев-«спасателей»). В случае с Раскольниковым это его натура, которая сопротивляется антигуманизму, а в случае с Бергом это воспитание, которое он получил, система ценностей, установившаяся в обществе, где он жил. И нужно заметить, что у героя Достоевского предпосылка для переоценки ценностей более основательная, поскольку *сила подсознательного, интуитивного, т.е. природы, непреодолима средствами логики, разума*. В конеч-

ном итоге это ведёт к тому, что в жизни Раскольникова *должно* (авторское слово) начаться нечто совершенно другое. А в рассказе С. Лагерлёф Берг вроде бы проникается идеей справедливости и раскаивается в своём преступлении, но окончательно измениться ему мешают обстоятельства. Когда он уже готов пойти к священнику, он вдруг понимает, что друг его предал, и это уничтожает смирение и раскаяние в его душе – герой вновь прибегает к насилию, как прежде: вступает в схватку с бывшим другом и «учеником». Обида оказывается сильнее новых убеждений, которые ещё не успелинастоящему укрепиться в его сознании. Диалектика природы и идеи в образах героев Достоевского и С. Лагерлёф различна и сходна одновременно. В образе Раскольникова натура несёт в себе христианское начало, а идея – наполеоновское «всё позволено». В образе же Берга – наоборот: религиозный принцип играет роль идеи, для природы же характерно начало вседозволенности. И в обоих случаях натура сильнее идеи.

Вернёмся к Сонечке у Достоевского и Турду у С. Лагерлёф. Они оказываются героями-«спасателями», бескорыстно желая помочь ближнему. Но, кроме того, у героя рассказа «Изгой» есть и другой мотив: он чувствует себя предателем, поскольку уже рассказал крестьянам, где скрывается преступник, и теперь если тот опередит мстителей и сам придёт каяться, то это избавит Турда от греха предательства – мотив, которого нет у Сонечки, потому что у неё не возникало даже мысли о том, чтобы самой выдать Раскольникова. Для неё имеет значение не наказание и даже не осуждение преступника, а его *духовное преображение*. Точно так же в «Братьях Карамазовых» у Алёши нет и мысли о том, чтобы осудить Митю или Ивана, даже Фёдора Павловича. Все они находят в общении с Алёшей тот светлый источник жизни, который определяется способностью Алёши понимать людей, но не судить их, видеть возможность того, что «Бог победит» в их душах, ставших «полем битвы» добра и зла. Отсюда – и возможность прощения. В этом его духовная общность со старцем Зосимой, считающим, что нет греха, которого Господь не простил бы истинно кающемуся.

В случае с Сонечкой, Алёшей Карамазовым, Зосимой Божий закон понимается прежде всего как любовь к ближнему, а Бог – как воплощение *любви*, как сила, возрождающая человека. А в случае с героями рассказа «Изгой» оказывается, что для них гуманизм не входит в сферу божественных законов. Здесь для всех персонажей

главное в религиозных принципах – это *справедливость*, тогда как для Сонечки (как и Алёши, Зосимы) – *любовь к ближнему и милосердие*.

Символично то, что Берг погибает именно тогда, когда уже успел действительно раскаяться в своём страшном преступлении и готов был идти к священнику. И здесь возникает следующая параллель с творчеством Достоевского, на этот раз с рассказом Ивана Карамазова о приговорённом преступнике Ришаре. И там, и здесь человек переживает переоценку ценностей и делает шаг к чему-то новому в жизни. Но именно в этот момент его настигает смерть, к которой он приговорён *по справедливости*. В обоих случаях происходит трагедия по той причине, что окружающие героя люди не воспринимают милосердие как истинную суть христианского отношения к людям и действуют по принятому в обществе закону неотвратимости возмездия за преступление, полагая при этом, что отстаивают христианские ценности.

Рассказ «Изгой» С. Лагерлёф заканчивается словами «новообращённого» героя о торжестве справедливости, и этот финал имеет амбивалентный характер. Можно понять это как утверждение беспощадного возмездия. Но, с другой стороны, учитывая сюжетное развитие конфликта и противоречия в душевном состоянии героя, можно в финале увидеть и другое – мысль о том, как идея, понятая поверхностно и ложно, может сломать человека и насколько далеко она уводит героя от милосердия, от настоящей христианской этики. На наш взгляд, второе истолкование ближе к истине, тем более что сама С. Лагерлёф в одном из интервью (его цитируют исследователи, например, Л. Брауде [3]) сказала: из всех добродетелей ей наиболее важной представляется милосердие, а критика констатирует, что в её произведениях зачастую «добро и любовь с помощью высших сил и необъяснимого чуда побеждают зло, проклятья и несчастья» [13, с. 7]. Однако добро и любовь далеко не всегда совпадают с законом и справедливостью, и эту сложнейшую диалектику раскрывает С. Лагерлёф вслед за Ф.М. Достоевским, в этической системе которого воплощением христианских ценностей становятся Сонечка, жалеющая убийцу, и Пленник, целующий великого инквизитора. С точки зрения Достоевского, настоящее христианство подразумевает под собой сострадание даже к преступнику. Та же мысль в конечном итоге выражается и в рассказе С. Лагерлёф: оказывается, что *справедливость без милосердия – это не христианская система ценностей*, и ведёт она к гибели человека, а не к спасению. И в других

произведениях, таких как «Возница», «Чудесное путешествие Нильса Хольгерссона с дикими гусями по Швеции», «Легенды о Христе», «Рождественский гость», писательница утверждает мысль о том, что любому человеку нужно дать шанс исправить хоть что-то в своей жизни, что спасительной силой может стать милосердие, – мысль, которая очень дорога была Достоевскому.

Список литературы

1. Юнгтрен Магнус. Испепеляющая страсть к России – как русская литература стала шведской. [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://perevodika.ru/articles/22655.html> (дата обращения – 18.03.2014)
2. Шарыпкин Д.М. Скандинавская литература в России. М.: Наука, 1980. 324 с.
3. Брауде Л. Сельма Лагерлёф и мир её творчества. [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://scandlit.narod.ru/braude.html> (дата обращения – 9.03.2014).
4. Леонова Е.А. Литературы скандинавских стран (конец XIX – начало XX века. [Электронный ресурс] Режим доступа: http://www.ae-lib.org.ua/texts/leonova_scandinavian_XIX-XX_ru.htm (дата обращения – 18.03.2014).
5. Иванов А.Н. Русские писатели как константы шведской культуры. [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2010/4/Ivanov/> (дата обращения – 18.03.2014).
6. Кобленкова Д.В. Элементы агиографического канона как метажанровой структуры в повести С. Лагерлёф «Деньги господина Арне» и одноимённой экранизации М. Стиллера // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2010. № 4 (2). С. 862-865.
7. Сказочный учебник Лагерлёф или Всё ли мы знаем о путешествии Нильса? [Электронный ресурс] Режим доступа: http://modersmal.skolverket.se/tyska/images/stories/filer/сказочный_учебник.pdf (дата обращения – 17.03.2014).
8. Иванов А.Н. Сельма Лагерлёф и русская культура. [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://lib.vkarp.com/2012/01/03/%d0%b0-%d0%bd-%d0%b8%d0%b2%d0%b0%d0%bd%d0%be%d0%b2-%d1%81%d0%b5%d0%bb%d1%8c%d0%bc%d0%b0-%d0%bb%d0%b0%d0%b3%d0%b5%d1%80%d0%bb%d1%91%d1%84-%d0%b8-%d1%80%d1%83%d1%81%d1%81%d0%ba%d0%b0%d1%8f-%d0%ba/#more-10668> (дата обращения – 9.03.2014).
9. Давлетшина Е. Сельма Лагерлёф. [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.manwb.ru/articles/arte/literature/lagerlef> (дата обращения – 9.03.2014).
10. Мурадян К. Конец тысячелетия: Скандинавский литературный пантеон в России (проблемы культурного взаимодействия; итоги и перспективы. [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.sweden4rus.nu/rus/info/mouradian/mouradian> (дата обращения – 9.03.2014).

11. Лагерлёф С. Изгой // Лагерлёф С. Собр. соч.: в 4 т. Т. 1. Л.: Худож. литература. Ленинградское отделение, 1991. С. 484-503.

12. Достоевский Ф.М. Преступление и наказание // Достоевский Ф.М. Собр. соч.: в 30 т. Т. 6. Л.: Наука, 1973. 424 с.

13. По следам великой сказочницы: методико-библиографический материал к 155-летию со дня рождения Сельмы Лагерлёф / сост. А. И. Федосеева. Нагорное: МБУК «ЦМБ», 2013. 31 с.

CRIME AND PUNISHMENT IN THE NOVEL “OUTCAST” BY SELMA LAGERLÖF

O.S. Sukhikh

Philosophic problems of Lagerlöf's novel “Outcast” are under analysis. We analyze understanding of Christianity by the heroes and the author, the correlation between the concepts “justice” and “mercy”. We point out the parallels in addressing the philosophical and ethical issues in the novel “The Outcast” and in Dostoevsky's “Crime and Punishment”.

Keywords: Christianity, justice, mercy, society, conflict of the idea and the nature.

References

1. Yunggren Magnus. Ispepelyayushhaya strast' k Rossii – kak russkaya literatura stala shvedskoj. [Elektronnyj resurs] Rezhim dostupa: <http://perevodika.ru/articles/22655.html> (data obrashheniya – 18.03.2014)

2. Sharypkin D.M. Skandinavskaya literatura v Rossii. M.: Nauka, 1980. 324 s.

3. Braude L. Sel'ma Lagerlyof i mir eyo tvorchestva. [Elektronnyj resurs] Rezhim dostupa: <http://scandlit.narod.ru/braude.html> (data obrashheniya – 9.03.2014).

4. Leonova E.A. Literaturny skandinavskix stran (konec XIX – nachalo XX veka. [Elektronnyj resurs] Rezhim dostupa: http://www.ae-lib.org.ua/texts/leonova_scandinavian_XIX-XX_ru.htm (data obrashheniya – 18.03.2014).

5. Ivanov A.N. Russkie pisateli kak konstanty shvedskoj kul'tury. [Elektronnyj resurs] Rezhim dostupa: <http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2010/4/Ivanov/> (data obrashheniya – 18.03.2014).

6. Koblenkova D.V. E'lementy agiograficheskogo kanona kak metazhanrovoj struktury v povesti S. Lagerlyof «Den'gi gospodina Arne» i odnoimyonnoj e'kranizacii M. Stillera // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. 2010. № 4 (2). S. 862-865.

7. Skazochnyj uchebnik Lagerlyof ili Vsyo li my znaem o puteshestvii Nil'sa? [Elektronnyj resurs] Rezhim dostupa: <http://modersmal.skolverket.se/ryska/>

images/stories/filer/skazochnyj_uchebnik.pdf (data obrashheniya – 17.03.2014).

8. Ivanov A.N. Sel'ma Lagerlyof i russkaya kul'tura. [Elektronnyj resurs] Rezhim dostupa: <http://lib.vkarp.com/2012/01/03/%d0%b0-%d0%bd-%d0%b8%d0%b2%d0%b0%d0%bd%d0%be%d0%b2-%d1%81%d0%b5%d0%bb%d1%8c%d0%bc%d0%b0-%d0%bb%d0%b0%d0%b3%d0%b5%d1%80%d0%bb%d1%91%d1%84-%d0%b8-%d1%80%d1%83%d1%81%d1%81%d0%ba%d0%b0%d1%8f-%d0%ba/#more-10668> (data obrashheniya – 9.03.2014).

9. Davletshina E. Sel'ma Lagerlyof. [Elektronnyj resurs] Rezhim dostupa: <http://www.manwb.ru/articles/arte/literature/lagerlef> (data obrashheniya – 9.03.2014).

10. Muradyan K. Konec tysyacheletiya: Skandinavskij literaturnyj panteon v Rossii (problemy kul'turnogo vzaimodejstviya; itogi i perspektivy. [Elektronnyj resurs] Rezhim dostupa: <http://www.sweden4rus.nu/rus/info/mouradian/mouradian> (data obrashheniya – 9.03.2014).

11. Lagerlyof S. Izgoi // Lagerlyof S. Sobl. soch.: v 4 t. T. 1. L.: Xudozh. literatura. Leningradskoe otdelenie, 1991. S. 484-503.

12. Dostoevskij F.M. Prestuplenie i naka-zanie // Dostoevskij F.M. Sobl. soch.: v 30 t. T. 6. L.: Nauka, 1973. 424 s.

13. Po sledam velikoj skazochnicy: metodiko-bibliograficheskij material k 155-letiyu so dnya rozhdeniya Sel'my Lagerlyof / sost. A. I. Fedoseeva. Naгорное: МБУК «СМБ», 2013. 31 с.